

РУКОВОДИТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ СЛЕДСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются понятия следственная власть и следственный орган, как носитель этой власти. На основе трактовки этих понятий, автор формулирует предназначение руководителя следственного органа в системе следственной власти. Приводятся аргументы того, что руководитель следственного органа воплощает собой особый вид следственной власти – «умную следственную власть».

Ключевые слова: руководитель следственного органа; следователь; следственная власть; судебная власть; умная власть.

The article deals with the concepts of investigative power and the investigative body as the bearer of this power. Based on their interpretation, the author formulates the purpose of the head of the investigative body in the system of investigative power. It is argued that the head of the investigative body embodies a special type of investigative power – «smart investigative power».

Keyword: head of the investigative body; investigator; investigative power; judicial power; smart power.

Понятие следственной власти, некогда представлявшееся экзотическим и даже эпатажным, сегодня все более прочно входит в юридический обиход. Ему посвящают коллективные монографии [2; 6] и отдельные статьи [4; 1]. Среди проблем, которые обсуждаются в контексте этого понятия, центральное место занимает проблема подлинного субъекта этой власти. Обилие мнений по данному вопросу можно свести в два подхода: первый – органом судебной власти является следователь, второй – сам следственный орган. Данные позиции, как правило, принято противопоставлять. Однако мы, следуя древней заповеди о том, что «истина всегда находится посередине», попытаемся отыскать третий, срединный, путь понимания органа, который более гармонично выражает носителя следственной власти. Для этого в число субъектов, претендующих на следственную власть, мы включим третью фигуру – руководителя следственного органа.

Начнем с того, что попытаемся проникнуть в саму сущность понятия *руководитель следственного органа*. По нашему мнению, данное понятие только на первый взгляд кажется простым и нормативно-определенным. Полагаем, что искомая сущность содержит в себе важные невидимые аспекты. Для того, чтобы разглядеть эти секреты, нужно поместить указанное понятие в разные контексты и рассмотреть его

во взаимосвязи с теми понятиями, с которыми оно имеет прочные функциональные связи.

Очевидно, что понятие руководителя следственного органа неразрывно связано с понятием самого следственного органа. А поэтому размышления о сути понятия руководителя следственного органа целесообразно вести в контексте именно этого понятия. В свою очередь, понятие следственного органа также может быть рассмотрено с разных позиций. Во-первых, его возможно представить как понятие, отражающее феномен организации, т. е. как понятие, обособляющее следственный орган в структуре конкретного правоохранительного органа или же в системе правоохранительных органов в целом. В некоторых случаях это понятие номинирует следственный орган в качестве отдельной автономной правоохранительной структуры, примером чему является Следственный Комитет Российской Федерации. Именно этому ведомству Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [8] (далее – УПК РФ) обязан появлением самого термина «следственный орган», а точнее, «руководитель следственного органа».

Подобный организационно-структурный подход к пониманию следственного органа, определяющий место органа в некоторой автономной системе, фиксирующий его функциональное предназначение, является важным, но не единственным. Он представляет, скорее, оболочку понятия следственного органа, но не

его внутреннее содержание. Поэтому есть еще один, не менее актуальный, взгляд на понимание следственного органа — взгляд субъектный, наполняющий понятие живым содержанием. Согласно этому подходу идентификация следственного органа опирается на личностное наполнение этого понятия. Здесь на первый план выделяется не правоохранительная структура, а субъект, наделенный следственной властью или же претендующий на нее.

В рамках этой трактовки, как было отмечено выше, мы сталкиваемся с двумя подходами. Первый подход ставит знак равенства между следственным органом и следователем. Это глубоко личностный подход к органу следственной власти. Для теории уголовного судопроизводства этот подход имеет (во всяком случае, имел раньше) большое значение. Профессор В.Т. Томин в свое время написал: «Закон конструирует фигуру следователя как процессуально самостоятельную. Предварительное следствие ведет не следственный аппарат, а следователь. Следователь — орган предварительного следствия» [7, с. 47].

Это очень примечательный подход. По сути, он как бы обозначает в следователе не частную персону, а внятную государственную миссию. В рамках этой «миссионерской» аналогии мы можем посмотреть на следственный орган также как на органы судебной власти. В контексте последнего понятия возникают два субъекта — суд и судья. Судья — это одновременно и наименование должности, и в некоторых случаях обозначение процессуального субъекта. Однако УПК РФ процессуальный статус судьи персонально не прописывает. Это делается отдельными вкраплениями в конкретные нормы, предусматривающие отдельные действия судьи. Вместе с тем УПК РФ подробно регламентирует процессуальный статус суда как органа судебной власти. Но суд, как орган судебной власти, нередко представляет собой лишь судью, выполняющего функцию правосудия или иную судебную функцию, например, функцию судебного контроля. Именно это судебное правомочие превращает судью в суд, т. е. в полноценный орган судебной власти, который выполняет важнейшую государственную функцию. Даже не просто функцию, а целую миссию, которую в широком смысле можно обозначить именем — правосудие.

На примере трансформации судьи, как должностного лица судебного органа, в суд, как орган судебной власти, мы можем четко разглядеть, что может выражать субъектный под-

ход к пониманию органа судебной власти. Быть судом (судебным органом) — значит выполнять свою основную функцию без привлечения полномочий других органов. Для того, чтобы воплотить в жизнь функцию судебной власти, достаточно одного органа суда, индивидуально воплощенного в судье. Суд самостоятелен в принятии решения. Решение суда не требует утверждения и согласования. И тот факт, что решение суда может быть отменено или обжаловано, ничего не меняет в концептуальном понимании «органичной» сути суда, как органа судебной власти. И первый признак «статуса органа» как раз и заключается в степени процессуальной самостоятельности органа в принятии промежуточных и итоговых решений.

Как видим, в теоретическом и практическом поле превращение субъекта деятельности в орган соответствующей власти осуществляется при помощи специальной терминологии. В поле судебной власти присутствует, как минимум, двойная терминология. Термин «суд» уже в буквальном смысле означает нечто иное нежели «судья». При этом термин «суд» оборачивается еще и ритуально окрашенным актом реализации судебной власти. Именно для этой власти и подобран особый орган — суд.

Может показаться, что с некоторых пор это не обязательное правило, и что имя «суд» не всегда применяется к органу судебной власти. В УПК РФ это может быть и другое имя, например, «мировой судья». Однако текст Закона дает понять, что это заблуждение. Да, в структурном смысле понятие *мировой судья* не может быть конвертировано в понятие *мировой суд*. Но в рамках личного подхода понятие мирового судьи без всяких проблем оборачивается в понятие суда. Мировой судья не превращается в мировой суд терминологически только на вывеске на соответствующем помещении. В функциональной плоскости это полноценный суд — орган, уполномоченный принимать правосудные решения, которые и свойственны функции правосудия.

Таким образом, ключевым моментом в понимании органа судебной власти является понимание ключевой функции правосудия и понимание уровня функциональной автономии. Ключевой вопрос, определяющий статус органа судебной власти, заключается в том, за кем остается итоговое решение. Итоговым решением суда в классическом варианте является приговор. Приговор в чем-либо утверждении не нуждается. Процедура вступления приговора в законную силу, предусматривающая про-

цедуру обжалования, не отменяет того факта, что приговор — это полноценный акт судебной власти, примененный судом.

Но понятие «итоговое решение», которое можно толковать прямолинейно в поле судебной власти, в контексте следственной власти приобретает более гибкую интерпретацию. Итоговым актом следственной власти является обвинительное заключение (для четкости мысли мы здесь абстрагируемся от дознания), которое следует оценивать в совокупности с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого. Двухступенчатое предъявление обвинения порождает системный акт реализации следственной власти. Следственная власть уполномочена компетентно констатировать совершение преступления конкретным лицом и на основании итогов специального познания обстоятельств преступления предъявить персональное обвинение конкретному субъекту. Без этого итогового акта следственной власти не будет ни государственного обвинения (как акта обвинительной власти), ни акта судебной власти. В конечном итоге обвинение тоже входит в понимание судебной власти в самом широком ее понимании.

Вопрос о функции следственной власти, несмотря на некую дискуссионность, касающуюся объема сугубо обвинительной составляющей этой функции, достаточно понятен. Во всяком случае, никто не сомневается в том, что следственной власти присуща особая функция, которую нельзя возложить ни на кого другого, кроме как на следственный орган. Другое дело, вопрос о самостоятельности этого органа. Может ли эта самостоятельность быть сопоставима с самостоятельностью органа судебной власти? Ответ на этот вопрос, который активно ищет наука [3], тоже не может быть прямолинейным.

По нашему мнению, процессуальная самостоятельность следственного органа в полноценной реализации акта следственной власти имеет разный характер. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого, как известно, не подлежит утверждению. Фактически оно может обсуждаться следователем с руководителем следственного органа (такая традиция имеет широкое применение), но юридически это никак не прописано, не превращено в процессуальную обязанность. Обвинительное же заключение согласовывается с руководителем следственного органа и знаменуется утверждением прокурором. То есть, во-первых, имеет место акт согласования (без согласия руководителя следственного органа дело к прокурору

попасть не может) итогового акта судебной власти в рамках самого органа этой власти, а, во-вторых, санкционирование акта следственной власти органом обвинительной власти.

Как видим, при такой системе принятия итогового решения следственной власти индивидуализация органа рассыпается не только в рамках определенной следственной структуры, но и за ее пределами. Фактически получается, что принятие итоговых решений следственной власти находится не в рамках компетенции этой власти. Чтобы выскочить из тисков этого противоречия, придуман даже термин «обвинительно-следственная власть» [5].

Однако само понятие следственной власти позволяет под особым углом посмотреть на роль и место прокурора в реализации итоговых решений следственного органа. Можно придумать много красивых гипотез о том, почему прокурор утверждает обвинительное заключение. Гипотез, опирающихся на возвышенную идею законности. Однако нам представляется, что утверждение обвинительного заключения прокурором — это лишь исторический шлейф другой традиции, тянущейся не из юридической необходимости ревизии итогового обвинительного документа на предмет законности, а из сугубо организационных отношений, которые в свое время существовали между следователем прокуратуры и прокурором, т. е. из тех времен, когда прокуратура, по сути, являлась полноценным органом следственной власти. Необходимость утверждения обвинительного заключения диктовалась организационным построением органа, а точнее, иерархией индивидуальных органов следственной власти. На наш взгляд, в прокурорском утверждении обвинительного заключения (санкционировании итогового акта следственной власти) скрыта идея, которая производна не от прокурора и даже не от прокуратуры как таковой.

Смысл и суть этого обыкновения нужно искать не в организационно-властных, а в гносеологических предпосылках. Согласование предполагает коллегиальность принятия решения. И в этом смысле пословица «один ум хорошо, а два лучше» — это формула не только для бытового применения, но и для решения важнейших государственных задач. Сама процедура согласования и утверждения итогового акта следственной власти не просто дает документу высокий (как минимум, повышенный) уровень легитимности, она дает документу законных рецензентов. А в лице прокурора — внешнего рецензента, «объективного по самой своей

должности». Утверждение документа, предполагающее его предварительное изучение, — это необходимая гарантия от случайных ошибок и злонамеренного произвола, свойственных реализации всякой власти (и следственная власть не является исключением). Поэтому итоговый документ следственной власти при подобной процедуре его прохождения и юридической силе имеет солидарную силу следственной и обвинительной (прокурорской) власти. Эти формы правоохранительной власти имеют весьма сложные взаимоотношения [9].

Однако вспомним, что к акту утверждения обвинительного заключения прокурором мы обратились не ради утверждения как такового, а для того, чтобы понять, в чем заключается теоретический и практический замысел наделения следователя статусом органа расследования. Имя «орган» здесь совсем не случайно. В самом этом имени в концентрированном виде отражается идея власти. Как только мы озвучиваем термин «орган», мы тут же апеллируем к скрывающемуся за ним понятию власти. Должностное лицо следователь, презентуемое как орган, это уже не просто исследователь-интеллектуал, это представитель государственной власти, который обязан выяснить, есть ли в данном конкретном случае основания для применения власти следственной.

Судебная власть преимущественно индивидуальна. Она не дробится и не структурируется в рамках конкретного дела. Она с начала до конца целиком находится в руках профессионального суда. Суд сам принимает решение, без согласований и утверждений. Если таковые и имеют место быть, то существуют они в рамках обычая, а не закона. Следственная же власть, напротив, опирается на концепт согласований и утверждений. Так в чем же заключается концептуальный смысл, рациональное существо этих процедур? Существо, на наш взгляд, простое — это необходимая профилактика неосторожного и умышленного произвола, позволяющая формировать не просто процедуру следственной власти, а процедуру умной и устойчивой следственной власти, имеющей надежную защиту от издержек недостаточной компетентности отдельных ее носителей.

По сути, в процедуре реализации судебной власти мы наблюдаем то же самое. Полноценную реализацию судебной власти нельзя рассматривать только в рамках первой инстанции. Ее нужно укладывать во всю широту движения приговора к окончательному вступлению (или «перевступлению») в законную силу. В инстан-

ционности и институтах пересмотра судебных решений тоже заложена идея умной судебной власти по принципу «один ум хорошо, а два лучше». И в этом смысле в рамках концепции «умной власти» нет особой разницы между властью следственной и властью судебной. В следственной власти мы видим скорую и предварительную реализацию этого концепта, в судебной же — более долгую и последующую. Судья не менее настороженно ожидает решение вышестоящей инстанции, чем следователь утверждения обвинительного заключения. Есть, правда, еще одно отличие в том, что инстанционность в рамках реализации судебной власти возникает в заявительном режиме (нужна соответствующая воля сторон), а в рамках реализации следственной власти она носит обязательный безусловный характер.

Однако коллегиальность, как признак «умной власти», не является доминирующим критерием, подавляющим значение концепта индивидуальности. В системе «умной власти» есть неперемный элемент, который в конечном смысле и является носителем того или иного вида власти. И, несмотря на процедуру реализации принципа «умной власти» через систему согласований и утверждений, органом этой власти является в первую очередь лицо, которое принимает первичное решение и оформляет его, потому что это решение и есть акт «ответственной» власти, в том смысле, что именно конкретный мыслящий субъект берет на себя всю ответственность акта реализации власти. Руководители и «надзиратели», по сути, являются субъектами, катализирующими качественно отправление следственной власти конкретным следователем. Не будь так, обвинительное заключение могло бы быть и безымянным, могло готовиться в виде проекта и подписываться прокурором единолично. Но это, к счастью, не так. Путь следователя к итоговому решению персонален. И на этом пути он принимает решение самостоятельно. Согласующие и утверждающие инстанции лишь добавляют в это решение капельки дополнительной власти, но не они делают власть следственной, а следователь.

Иными словами, мы считаем, что, несмотря на все ограничения процессуальной самостоятельности и независимости следователя, следователь вне всякого сомнения может рассматриваться как полноценный орган расследования. Подчеркнем, что органом следственной власти является именно следователь, а не следственное подразделение.

Но закономерно возникает вопрос: если при подобном подходе следователь равен следственному органу, то тогда чему равен руководитель следственного органа? Этот вопрос очень интересный. С одной стороны, руководитель следственного органа тоже следователь и в этом смысле орган расследования. Но равенство со следователем — это, скорее, обозначение необходимой функциональной потенции, нежели выражение актуальной функциональной «анатомии» руководителя следственного органа. Да, у руководителя следственного органа есть все необходимые следственные полномочия. Однако даже по контексту УПК РФ понятно, что наличие этих полномочий это как бы вещь вторичная (на всякий случай) по отношению к основной задаче руководителя следственного органа — качественно организовать расследование всех уголовных дел во вверенном подразделении, обеспечение технологической бесперебойности его работы.

Таким образом, руководитель следственного органа призван воплотить в своем процессуальном статусе две линии реализации следственной власти — власть следственную в трактовке уровня следователя и власть следственную в концепции «умной власти». Именно этот двойственный вариант следственной власти в стадии предварительного расследования и реализует важнейшая процессуальная фигура руководителя следственного органа. Руководитель следственного органа является одновременно и исследователем, и оппонентом. С одной стороны, он создает необходимое управленческое напряжение для быстрого движения дел, а с другой, выступает рецензентом и фильтром, в какой-то мере замедляющим это движение ради качества расследования.

Есть еще одна важная функция у руководителя следственного органа как реализатора умной следственной власти. И чтобы понять, что это за функция, нужно посмотреть на прокурора, разглядеть, какую задачу решает прокуратура в рамках общего надзора. Так вот прокуратура не просто призвана содействовать укреплению

законности, она еще и призвана формировать единство законности на территории страны. По нашему мнению, руководитель следственного органа также обеспечивает единство законности в рамках своего подразделения, не подменяя прокурора, а являясь дополнительным субъектом этой высокой миссии.

Причем руководитель следственного органа компетентен не просто формировать единство законности, но и создавать предпосылки для создания процессуального единства подразделения. Индивидуальные следственные органы (следователи) сплачиваются в единый следственный орган, который олицетворяет следственную власть в ее высоком смысле. Следственный орган — это не просто цех, это еще и особая школа, в рамках которой проходят обучение и становление следователи. Без руководителя этой школы такая обучающая среда быть создана не может. Руководитель следственного органа воплощает собой фигуру главного наставника.

Таким образом, наличие руководителя следственного органа в системе субъектов, реализующих следственную власть, способствует усилению следственной власти как таковой. Согласование и утверждение в своем идеологическом замысле — это не акт какого-то единоначалия и подавления следователя. Это, прежде всего, демонстрация единства, как в конкретном органе следствия, так и вообще во всей системе следственной власти. И в этом смысле фигура руководителя следственного органа не ущемляет, а усиливает следователя, воплощающего самостоятельный орган расследования, делает этот орган более мощным субъектом следственной власти. Руководитель следственного органа — это не просто руководитель следственного подразделения, он — руководитель «автономных» следственных органов, коллектива следователей, которые являются элементами системы следственной власти, системы, полностью реализуемой в составе следственного органа (подразделения), в составе умной следственной власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров А.С.* Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. — 2016. — № 2 (34). — С. 405—411.
2. *Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н.А. Колоколова.* — М.: Юрлитинформ, 2016.
3. *Багмет А.М., Цветков Ю.А.* Пути развития и модели оптимизации взаимоотношений следственной и судебной власти // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2014. — № 3 (3). — С. 212—219.
4. *Корнуков В.М.* Следственная власть и ее роль в осуществлении правосудия по уголовным делам в Российской Федерации // Вестн. Самар. гос. ун-та. — 2014. — № 11/1 (122) — С. 43—48.

5. *Кухта А.А.* Обвинительно-следственная власть правового государства в ее устройстве и деятельности // Учен. зап. Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Рос. тамож. акад. — 2008. — № 3 (32). — С. 245 — 248.
6. Следственная деятельность. Книга II. Quo vadis? : монография / под ред. Н.А. Колоколова. — М. : Юрлитинформ, 2020.
7. *Томин В.Т.* Уголовное судопроизводство: революция продолжается. — Горький : ГВШ МВД СССР, 1989.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4924,
9. *Шейфер С.А.* Прокурорская и следственная власть: сущность и проблемы взаимоотношения // Уголовное судопроизводство : в 3 томах / под ред. Н.А. Колоколова. — М., 2019. — Т. 2. — С. 10 — 24.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. *Aleksandrov A.S.* Institut sledstvennoj vlasti v Rossii: kratkaya istoriya vzniknoveniya, razvitiya i degeneracii // Yurid. nauka i praktika: Vestn. Nizhegorod. akad. MVD Rossii. — 2016. — № 2 (34). — S. 405— 411.
2. Apparat vlasti sledstvennoj / pod obshch. red. N.A. Kolokolova. — M. : Yurlitinform, 2016.
3. *Bagmet A.M., Cvetkov Yu.A.* Puti razvitiya i modeli optimizacii vzaimootnoshenij sledstvennoj i sudebnoj vlasti // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya. — 2014. — № 3 (3). — S. 212 — 219.
4. *Kornukov V.M.* Sledstvennaya vlast i ee rol v osushchestvlenii pravosudiya po ugovolnym delam v Rossijskoj Federacii // Vestn. Samar. gos. un-ta. — 2014. — № 11/1 (122) — S. 43 — 48.
5. *Kuhta A.A.* Obvinitel'no-sledstvennaya vlast pravovogo gosudarstva v ee ustrojstve i deyatel'nosti // Uchen. zap. Sankt-Peterburgskogo im. V.B. Bobkova filiala Ros. tamozh. akad. — 2008. — № 3 (32). — S. 245 — 248.
6. Sledstvennaya deyatel'nost. Kniga II. Quo vadis? : monografiya / pod red. N.A. Kolokolova. — M. : Yurlitinform, 2020.
7. *Tomin V.T.* Ugolovnoe sudoproizvodstvo: revolyuciya prodolzhaetsya. — Gor'kij : GVSH MVD SSSR, 1989.
8. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 18 dekabrya 2001 g. № 177-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. — 2001. — № 52 (ch. I). — St. 4924,
9. *Shejfer S.A.* Prokurorskaya i sledstvennaya vlast: sushchnost i problemy vzaimootnosheniya // Ugolovnoe sudoproizvodstvo : v 3 tomah / pod red. N.A. Kolokolova. — M., 2019. — T. 2. — C. 10 — 24.